

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

А.С. Барсенков*

«НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР (1985–1991)**

Заключительная часть статьи посвящена изучению второго этапа политики «нового мышления» (январь 1989 – декабрь 1991 г.), в ходе которого советское руководство во главе с М.С. Горбачевым предприняло попытку всеобъемлющей перестройки внешней политики на основе доктринальных принципов, разработанных в 1985–1988 гг. Обозначен комплекс внутренних и внешних факторов, предопределивших характер международной деятельности Советского Союза в последние годы существования «биполярности». Раскрыто влияние системного кризиса в СССР на изменение его восприятия ведущими мировыми державами в качестве «равного партнера», что показано на конкретных примерах – решении вопроса об объединении Германии, урегулировании кризиса в зоне Персидского залива, ходе переговоров о разоружении. Поставлен вопрос о соотношении компонентов реализма и идеализма в философии «нового политического мышления».

Ключевые слова: внешняя политика СССР, «перестройка», М.С. Горбачев, «новое политическое мышление», «холодная война», разоружение, экономическая помощь, «политические кредиты», советско-американские отношения, «бархатные революции», объединение Германии.

Часть II. Внешняя политика СССР в условиях системного кризиса

В 1985–1988 гг. были сформулированы основные доктринальные принципы новой советской внешнеполитической стратегии и сделаны первые шаги в их реализации. Однако выдвинутые подходы предстояло апробировать при развязывании многих узлов, затянутых за десятилетия «холодной войны». Расчеты на то, что гуманистические идеи «нового мышления» обретут универсальный характер, не казались беспочвенными. 1989 год многие советские международники встретили с оптимизмом, связанным с эффектом, который произвело триумфальное выступление М.С. Горба-

* Барсенков Александр Сергеевич – д.и.н., профессор кафедры отечественной истории XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: barsenkov@yandex.ru).

** Окончание. Начало см.: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 39–70.

чева 7 декабря 1988 г. с трибуны ООН. Тогда в США советскому лидеру был оказан восторженный прием. Его приветствовали ликовавшие толпы Нью-Йорка, в солидных западных СМИ появилось немало панегирических комплементарных статей. Переход к безъядерному миру, утверждение согласия и примирения в международных отношениях при усилении роли ООН, построение «общеевропейского дома» и преодоление блокового противостояния — все эти идеи должны были обеспечить новую роль СССР и выдвинуть лично М.С. Горбачева на роль морального и политического лидера мира, реально влияющего на коренное изменение системы международных отношений [5, с. 418].

Однако к тому времени произошло существенное сужение ресурсной базы внешней политики: Советский Союз, «локомотив нового политического мышления» (НПМ), оказался на пороге глубокого системного кризиса. Именно 1989 год стал рубежом в истории «перестройки»: экономические, социально-политические, идеологические процессы начали выходить из-под контроля иницировавшего их руководства. Стремительная хаотизация всех сфер общественной жизни резко сужала пространство внешнеполитического маневра.

Факторы, повлиявшие на внешнюю политику СССР в 1989–1991 гг.

К рубежу 1988–1989 гг. положение в народном хозяйстве страны существенно ухудшилось. Последствия неудачных экономических решений 1985–1988 гг. и накопившиеся проблемы предшествовавшего времени вылились в замедление темпов роста производства. При этом темпы роста денежных доходов населения были значительно выше, происходила инфляционная «накачка» экономики. Должное внимание этим проблемам советское руководство стало уделять лишь с осени 1988 г. На одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС Н.И. Рыжков заявил, что дефицит государственного бюджета СССР в 1988 г. составил 80 млрд руб., а в 1989 г. ожидался в районе 100 млрд руб. (25% бюджета) — «больше, чем у какого-либо государства мира» [11, с. 244; 5, с. 88].

Важным фактором как внутреннего развития СССР, так и реализации политики «нового мышления» была **проблема сокращения военного бюджета**. Реальные цифры расходов на военно-промышленный комплекс (ВПК) до самого конца 1980-х годов не подлежали оглашению. В начале своего правления М.С. Горбачев столкнулся с тем, что подлинные суммы военных затрат не были известны даже высшему руководству страны. Это было связано не только с засекреченностью военного бюджета, но и с тем, что расходы на оборону часто проводили через разные статьи бюджета, данные о

которых «были просто несводимы», а также с неразрешенностью вопроса о том, в какой мере цены на военную технику отражали экономические реалии, что в свою очередь приводило к неточностям в методике подсчета. Однако независимо от конкретных цифр все данные свидетельствовали о непропорциональном развитии ВПК по сравнению с гражданским сектором [11, с. 255].

Исправление ситуации руководство видело в снижении доли ВПК и сокращении военных затрат. На заседаниях Политбюро М.С. Горбачев отмечал, что это нужно не только для высвобождения средств на нужды реформирования, но и для пропагандистского обеспечения советской политики. В ноябре 1988 г., обращая внимание на несоответствие реальных военных расходов принятой СССР оборонительной военной доктрине, он откровенно заявлял: «Если мы предадим это [военные расходы. — А.Б.] гласности, то все наше новое мышление и вся наша новая внешняя политика полетят к черту». 18 января 1989 г. советский руководитель сообщил Дж. Бушу, что в течение двухлетнего периода Москва планирует сократить военные расходы на 14,2% по отношению к уровню предыдущего года, а объемы производства вооружений и военной техники — на 19,5%. Через несколько дней появилось заявление Комитета министров обороны государств — участников ОВД «О соотношении численности вооруженных сил и вооружений ОВД и НАТО в Европе и прилегающих территориях», где впервые были оглашены данные, касавшиеся войск как ОВД в целом, так и входивших в нее стран. В мае 1989 г., выступая на Съезде народных депутатов, М.С. Горбачев объявил, что советские военные расходы на текущий год составят 77,3 млрд руб., а «замороженные» расходы за 1987–1988 гг. позволили сэкономить порядка 10 млрд руб. В декабре 1989 г. СССР впервые опубликовал свой военный бюджет на предстоявший год. Предполагалось, что он будет сокращен на 8,2% по сравнению с предыдущим годом [14, с. 570; 38, 30.01.1989; 46, с. 289].

Развал потребительского рынка к осени 1988 г., усиление социального расслоения вели к росту недовольства и сужению поддержки реформаторов. Активное и пассивное противодействие реформам на разных уровнях расшатывало политический фундамент государства, создавая основу для массового протестного поведения. В марте 1989 г. в Норильске состоялась первая крупная забастовка шахтеров. В июле начатые в Кузбассе стачки перекинулись на шахты Донбасса, Караганды, Печорского угольного бассейна. В 1989 г. выступления затронули многие крупные города СССР, охватывая новые отрасли. Первоначально носившие преимущественно экономический характер требования с 1990 г. все чаще дополнялись политическими.

Начатая в 1988 г. на основе решений XIX партконференции реформа государственного управления, вылившаяся в попытку отстранения от власти партийного аппарата с передачей властных полномочий советским структурам, привела к ослаблению контроля над всеми общественными процессами. В среде самих реформаторов в 1989 г. шло размежевание: одни отстаивали «социалистический выбор», другие выступали сторонниками либеральных преобразований. На I Съезде народных депутатов СССР в июне 1989 г. демократически настроенные депутаты объявили о создании оппозиционной Межрегиональной депутатской группы (МДГ). Популярной становилась идея объединения демократических сил в масштабах СССР и создания партии – противовеса КПСС.

Серьезные изменения к 1989 г. произошли в идеологической сфере. Лавинообразная критика истории советского общества, развернутая в СМИ с конца 1987 г., привела к кризису легитимности власти партии и советской системы в целом. Именно на рубеже 1988–1989 гг. началась инспирированная «сверху» критика доктринальных основ марксизма. Социализм советского типа все чаще трактовали как тоталитарную (в лучшем случае – авторитарную) систему, требующую замены на «демократическую», основанную на «западных ценностях» («нормальных», «цивилизованных»). Все это вело к внутренней разобщенности общества, углубляло линии раскола [3, с. 117–157].

1989 год стал рубежным и в сфере международных отношений, произошло их резкое обострение. Череда кровавых межэтнических конфликтов прокатилась по самым разным территориям СССР: Азербайджану (с 1988 г.), Казахстану, Узбекистану, Молдавии, Грузии (все – с 1989 г.). Развернулась борьба за суверенитет республик, предопределившая начало политико-правового движения «от Союза». Зародившись в Эстонии в ноябре 1988 г., эта волна в 1989–1990 гг. затронула не только союзные, но и автономные республики. Осенью 1989 г. Э.А. Шеварднадзе применительно к Закавказью констатировал: «Мы уже не можем различить между секретарем ЦК республики и отъявленным националистом» [3, с. 125].

Все эти процессы с 1989 г. обрели необратимый, а в 1990–1991 гг. – обвальный характер, что объективно сужало ресурсную базу внешней политики СССР. Советский Союз превращался в слабое государство, которому становилось труднее выдерживать давление со стороны «партнеров».

Важным фактором, влиявшим на внешнюю политику СССР, стало *изменение к 1989 г. ситуации в странах Центральной и Восточной Европы, входивших в «социалистическое содружество»*. Провозглашенные М.С. Горбачевым на Рабочей встрече лидеров соцстран в ноябре 1986 г. новации (невмешательство во внутренние

дела, равноправие, отказ от патернализма, уважение самостоятельности, переход к взаимовыгодному характеру экономических связей при сохранении помощи отстававшим в развитии, модернизация ОВД и СЭВ) формально были поддержаны ее участниками. Однако исторический опыт подпитывал скептицизм и осторожность в отношении прозвучавших идей. По-разному была воспринята и сама советская «перестройка» с ее лозунгами «демократизации», «гласности» и «обновления кадров». На отношение к СССР влияли хаотичность проводимых преобразований и особенно — неудовлетворительные результаты социально-экономического развития 1985—1988 гг. В то же время сохранялась значительная зависимость социалистических стран от СССР, политические режимы в которых не могли существовать без его поддержки [40, с. 82].

Экономические трудности в СССР оказали влияние на партнеров по СЭВ. Многие из соглашений, заключенных в его рамках в 1987—1988 гг., Советский Союз был не в состоянии выполнять. Входившие в организацию государства остро нуждались в емком советском рынке, а СССР не располагал достаточными ресурсами для оплаты импорта из этих стран. В результате происходила переориентация их торгово-экономических связей на Запад, что вело к усилению зависимости от капиталистических стран: кредитная задолженность государств региона превысила 100 млрд долл. [40, с. 84]. Лидеры «братских партий» не раз обращались к М.С. Горбачеву с просьбами о помощи, но тот был вынужден отвечать отказом. Ощущение неуверенности подпитывалось и тем, что в рамках существовавшей экономической и связанной с ней политической модели возможность избавления от долговой зависимости не просматривалась.

Демократизация и гласность в СССР, нарастание социально-экономических трудностей и активизация контактов с внешним миром привели к значительному оживлению демократической и националистической оппозиции в странах ЦВЕ. Эта оппозиция носила преимущественно прозападный характер, выступала под лозунгами денационализации, десоветизации и десателлизации. Однако там прекрасно осознавали, что мечты могут сбыться лишь в случае кардинальных изменений в позиции СССР, который персонифицировал М.С. Горбачев.

23 сентября 1988 г. в Москве была принята делегация Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), с которой обсудили вопросы о диалоге с оппозиционным профсоюзом «Солидарность» и проведении альтернативных выборов. Предполагалось сохранить за ПОРП лишь 40% мест, а остальные предоставить другим партиям и конструктивной оппозиции. Результатом выборов должно было стать формирование коалиционного правительства. Для достиже-

ния компромисса решили использовать механизм «круглого стола». Идея в ЦК КПСС была одобрена, и это не было случайным: в его Международном отделе ее обсуждали с начала 1988 г. [34, с. 294]. Очевидно, что использование подобных механизмов не могло ограничиться только Польшей.

В СССР не оставались незамеченными и экономические проблемы стран «социалистического содружества». 6 сентября 1988 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС М.С. Горбачев говорил: «Теперь следует призадуматься, как мы будем действовать, если одна или сразу несколько стран окажутся банкротами. Перспектива вполне реальная, ибо уже несколько находятся на грани валютной неплатежеспособности (Польша, Венгрия, Болгария, Вьетнам, Куба, Румыния, ГДР). <...> Иначе говоря, есть ли у нас концепция на случай кризиса, который может охватить одновременно всю или часть социалистического мира?» На поставленный вопрос сам же лидер партии дал отрицательный ответ [34, с. 295]. На будущее «содружества» не могло не оказать влияния заявление М.С. Горбачева о готовности вывода советских войск из стран Восточной Европы. Тем самым СССР давал понять, что в условиях надвигавшегося экономического кризиса он не собирался силой поддерживать существовавшие в Центральной и Восточной Европе режимы.

Западные исследователи определяли ситуацию в ЦВЕ к началу 1989 г. как потенциально революционную. Оппозиционная интеллигенция высказывалась все более радикально и была достаточно организована. Недовольство ухудшавшейся социальной ситуацией выражали рабочие. Негативистский консенсус в восприятии существовавшей модели сформировался и среди официальных экономистов. Пассивность М.С. Горбачева на восточноевропейском направлении подогревала надежды на то, что глубокие перемены будут возможны и там. Они подкреплялись и очевидностью стремления советского руководства радикально улучшить отношения с Западом, что практически исключало силовую поддержку непопулярных политических режимов в ЦВЕ и открывало возможности для глубоких мирных трансформаций [53, р. 374].

Важные последствия для внешней, а также внутренней политики СССР в 1989–1991 гг. имело принятие 15 января 1989 г. итогового документа Венской встречи представителей государств — участников СБСЕ. Ранее в нашей стране считалось, что «советская глобальная концепция всеобъемлющей безопасности по своим основным элементам совпадает с тремя “корзинами” хельсинкских договоренностей. <...> Не преуменьшая значения второй и третьей “корзин”, <...> необходимо все же подчеркнуть: судьбы общеевропейского дома в первую очередь зависят от первой — то есть от прогресса в решении проблем сокращения вооружений. <...>

Без расчистки затора в военной области развитие политических отношений, экономического и культурного сотрудничества в Европе будет и далее иметь неустойчивый характер, подверженный движениям вспять» [39, с. 189]. Как отмечал участник переговоров в Вене Ю.С. Дерябин, советской делегации «было строго предписано <...> блокировать предложения, касающиеся права на выезд из собственной страны, получение свободной информации» [20, с. 119]. Делегация СССР отстаивала позицию, согласно которой всякое международное обсуждение прав человека в той или иной стране означает вмешательство «во внутренние дела». Советское руководство полагало, что в противном случае социалистические страны столкнутся с массовой эмиграцией, а получение свободной информации разрушит «реальный социализм».

Однако к 1989 г. в позиции СССР обозначились серьезные подвижки, из которых следует выделить две. В принятом консенсусом 15 января документе отмечено, что *все* принципы, изложенные в Заключительном акте 1975 г., «имеют первостепенную важность, и, следовательно, они будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других» [10, с. 94]. В текст документа впервые было внесено положение о необходимости приведения национальных законов и практики в соответствии с международными пактами ООН и документами СБСЕ. Это требование было адресовано прежде всего социалистическим странам Центральной и Восточной Европы, так как на Западе исходило из того, что их политическая и правовая практика международным стандартам соответствует. Авторы «Системной истории международных отношений» справедливо отмечают, что, «одобряя документ, Советский Союз впервые официально согласился с принципом приоритетности международного права по отношению к внутреннему законодательству СССР» [42, с. 476].

Другая новация состояла в том, что наряду со специальным разделом, посвященным гуманитарному сотрудничеству, ряд важных положений о правах и свободах человека по настоянию западных стран был помещен в раздел, касавшийся обеспечения безопасности, т.е. относившийся к проблематике «первой корзины». Включение этих проблем в один блок было призвано показать, что данная взаимосвязь является общепризнанной концепцией европейской безопасности для всех государств-участников. Позднее этот подход был закреплен в названии конференции по «человеческому измерению» проблем безопасности и сотрудничества в Европе. Как отмечает изучавший тему Л.С. Воронков, такая увязка была нацелена на сердцевину заинтересованности СССР в Хельсинкском процессе: обеспечение обязательного соблюдения принципов отношений между всеми странами – участницами СБСЕ. Однако «при

такой увязке соблюдение этих принципов теряло главное — свою обязательность и обставлялось условиями, при которых они могли не соблюдаться» [10, с. 101]. Поддержка Западом диссидентского движения в СССР и других европейских государствах «социалистического содружества» позволила развернуть мощную пропагандистскую кампанию, направленную на доказательство несоблюдения Советским Союзом взятых на себя обязательств в гуманитарной сфере. А это давало повод странам Запада ставить под сомнение необходимость самим соблюдать договоренности, касавшиеся других сфер. Документ оказал заметное влияние на активизацию демократических процессов, начавшихся в ряде соцстран в 1987—1988 гг., осложняя для Советского Союза возможности воздействовать на наметившиеся перемены.

Еще одним важным фактором внешней политики СССР в 1989—1991 гг. становилось *усиление американского влияния на происходящие в Европе процессы*. В январе 1989 г. в США произошла смена администрации: Р. Рейгана на посту президента сменил Дж. Буш, и хотя оба были республиканцами, последний выступал за серьезный пересмотр американской внешней политики в отношении СССР. С его приходом в Белый дом начались масштабные кадровые перестановки во внешнеполитическом ведомстве. Новый госсекретарь Дж. Бейкер так прокомментировал перемены: «Запомните, это не дружеский переход от одного правления к другому» [4, с. 32]. Параллельно в американских СМИ была развернута мощная кампания против Дж. Шульца как одного из самых худших госсекретарей: чаще всего его упрекали за излишнюю «мягкость» в отношении СССР.

Переход власти сопровождался паузой во внешней политике США, продлившейся до конца весны 1989 г. Вашингтон использовал ее для обновления стратегии взаимоотношений с СССР и государствами Восточного блока. Все это время контакты между Москвой и Вашингтоном носили преимущественно непубличный характер, зондаж позиций осуществлялся через опытных дипломатов: Г. Киссинджера, А.Ф. Добрынина, А.А. Бессмертных, Дж. Мэтлока.

В своих оценках американская администрация исходила из прогрессирующего ослабления СССР, что давало возможность настаивать на выводе советско-американских отношений за пределы «разоруженческой» тематики. В январе 1989 г. Москву посетил Г. Киссинджер, чья строго конфиденциальная миссия состояла в том, чтобы «прощупать», как далеко Советский Союз готов пойти в защите своих интересов в Восточной Европе. Американский дипломат предложил разделить ответственность за этот регион между США и СССР, поскольку последний уже слабо контро-

лировал происходившие там процессы. В ходе бесед с советскими «партнерами» бывший госсекретарь высказал идею, что в обмен на невмешательство Союза в дела этого региона США готовы не предпринимать ничего для ускорения там перемен [7, с. 436; 45, с. 437].

Основу «скорректированной» американской стратегии, которая получила название «после сдерживания», составили доклады Совета национальной безопасности, Центрального разведывательного управления, аналитические записки чиновников Госдепартамента и других ведомств. В них было указано: «...перестройка — в наших [США. — А.Б.] интересах: новый подход Горбачева дает нам в руки рычаги воздействия, которыми восемь лет назад мы не обладали, а потому необходимо «помочь» советским реформам достичь «точки невозврата». Из этого следовало, что американская внешняя политика должна быть более решительной, инициативной, особенно в странах Восточной Европы, поскольку этот регион — «потенциально слабое звено советского блока». Главный упор необходимо делать на оказании экономической помощи, которая будет напрямую зависеть от либерализации политических режимов в этих странах [4, с. 45].

В США также считали, что в отношении СССР нужна более четкая позиция, основанная на возможности экономического воздействия на Москву. При этом одна из главных задач Соединенных Штатов — способствовать пересмотру идеологических ценностей и политических приоритетов в Советском Союзе, что сделало бы его более предсказуемым для Запада. В качестве необходимых преобразований в Вашингтоне называли: гарантированное осуществление гражданских, политических, экономических свобод; либерализацию законодательства и процедуры выборов, включая тайное голосование; независимость судебных органов; «более беспристрастную прессу»; «активизацию неправительственных организаций»; свободу передвижения граждан; право собственности на землю; «отмену монополии КПСС и ликвидацию полицейского государства». Вместе с тем США намерены были продолжать сотрудничество с СССР в сферах, где оно происходило и ранее. К ним относили сокращение вооружений (особенно обычных советских в Европе), урегулирование региональных конфликтов, решение глобальных проблем [4, с. 46].

В Вашингтоне возникла идея «тестирования», проверки действий Советского Союза «на искренность». Она была выдвинута осенью 1988 г. деканом Высшей школы государственного управления имени Дж. Кеннеди Гарвардского университета Г. Аллисоном, и в Белом доме ее сочли продуктивной. Оглашая эту стратегию 12 мая 1989 г., Дж. Буш подчеркнул, что «новые отношения надо заслужить, одних обещаний здесь недостаточно», искренность Со-

ветов должна быть выражена в конкретных действиях [6, с. 59, 66–67]. Эта тема стала популярной в выступлениях других официальных лиц. И если в начале 1989 г. под нее попадали региональные конфликты и участие в них, то к концу года в нее была включена политика СССР в отношении стран Центральной и Восточной Европы. С 1990 г. добавились проблема асимметричного сокращения вооружений и внутренние преобразования в СССР, а также политика в прибалтийских республиках. Складывалась своеобразная ситуация: идея «тестирования» перекладывала *ответственность* за прогресс в советско-американских отношениях на СССР, в то время как *условия* улучшения устанавливал Запад.

Меры по укреплению международной безопасности

В 1989–1991 гг. советское руководство предпринимало энергичные действия в сфере преодоления конфликтности и укрепления мировой стабильности. В их числе – *интенсификация переговоров между СССР и зарубежными государствами по проблемам разоружения*. В марте 1989 г. между странами НАТО и ОВД в Вене начались переговоры о сокращении обычных вооруженных сил в Европе. Советскую делегацию возглавлял О.А. Гриневский. Руководство страны поставило задачу достичь соглашения, которое бы предусматривало сокращение вооруженных сил и обычных вооружений до уровня, когда у сторон останутся силы и средства, необходимые лишь для обороны и недостаточные для нападения. Военно-техническими аспектами грядущих сокращений было поручено заниматься Д.Т. Язову, М.А. Моисееву, С.Ф. Ахромееву [35, с. 460]. Вместе с тем на реализацию задачи такого масштаба было отведено крайне мало времени. Это было связано со стремлением руководства СССР приурочить подписание итогового документа к предстоявшему в ноябре 1990 г. саммиту СБСЕ. Грядущей встрече М.С. Горбачев придавал большое значение, полагая, что это должны быть своеобразные «Хельсинки-2», поскольку «предстояло осмыслить новую ситуацию, выработать совместные критерии и ориентиры» [13, с. 148].

Параллельно проходили советско-американские переговоры о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ). «Компромиссная» позиция вырабатывалась благодаря дополнительным уступкам со стороны СССР. В сентябре 1989 г. в ходе визита в Вашингтон Э.А. Шеварднадзе сообщил Дж. Бейкеру, что Москва отказалась от своего требования обязательной «увязки» подписания договора СНВ с подтверждением США приверженности Договору ПРО (1972). Глава внешнеполитического ведомства СССР также вывел за скобки переговоров по СНВ проблему со-

кращения крылатых ракет морского базирования (КРМБ), предложив обсуждать ее отдельно. Тогда же в сентябре советский министр объявил о согласии СССР пойти на демонтаж радиолокационной станции в Красноярске, сооружение которой, по мнению американцев, нарушало условия Договора ПРО. Ранее Советский Союз отказывался рассматривать проблему красноярского радара вне связи с аналогичного класса радары, размещенными США в Туле (Гренландия) и Филдингдейлсе (Великобритания). Теперь был сделан существенный шаг навстречу американцам [6, с. 104–106; 35, с. 450; 43, с. 240].

Полным ходом шло обсуждение дальнейшего сокращения запасов химического оружия, которыми располагали СССР и США. Советский Союз в 1989 г. впервые обнародовал данные о своих запасах (около 50 тыс. тонн отравляющих веществ) и обещал открыть для инспекций центры их производства и хранения. Соглашение о взаимном сокращении такого оружия на 80% было подписано между двумя странами в июне 1990 г. В перспективе предполагалось его дальнейшее сокращение [26, 02.06.1990].

В 1989–1991 гг. Советский Союз последовательно проводил *курс на свертывание военного присутствия в различных регионах*, что существенно меняло сложившуюся стратегическую ситуацию. 15 февраля 1989 г. советское руководство заявило о полном выводе войск из Афганистана. СССР прекращал участие в конфликтах в Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Никарагуа. В апреле 1989 г. начался частичный вывод войск из Венгрии, в мае — из Монголии и ГДР. В феврале 1990 г. советские войска стали покидать территорию Чехословакии. В сентябре 1991 г. начался вывод советских войск с Кубы.

Таким образом, в условиях резкого сокращения ресурсной базы советской внешней политики руководство СССР искало способ снизить расходы на военные нужды, сокращая количество своих вооружений и вооруженных сил, выводя их с территорий других государств. Это укладывалось в логику «нового мышления». Вместе с тем советские уступки чаще носили односторонний характер. Курс на скорейшее достижение соглашений не позволял эффективно использовать на переговорах военный ресурс. Военные не без оснований отмечали, что *форсированная* подготовка договоренностей мешала их качественной проработке с учетом всех возможных для страны последствий.

СССР располагал значительными интеллектуальными ресурсами, существовала мощная дипломатическая школа. В Министерстве иностранных дел и зарубежных диппредставительствах продолжали работать высококвалифицированные сотрудники, однако в условиях, когда внешнеполитические решения конструировали, как правило, не на Смоленской площади и подгоняли под «широ-

кие политические подходы», мнение опытных дипломатов при решении принципиальных вопросов зачастую не учитывали. В этом плане характерен один эпизод. С.П. Тарасенко, помощник Э.А. Шеварднадзе и его доверенное лицо, так объяснял отсутствие германистов в делегации, вылетевшей в Оттаву в феврале 1990 г., где намечалось принятие основополагающих решений по «германскому вопросу»: «Без них даже лучше. А то будут под ногами путаться и на все отвечать только “нет”» [17, с. 34].

В контексте начавшихся в Восточной Европе изменений М.С. Горбачев придавал большое значение формированию общеевропейского единства. На это были направлены его визиты в 1989 г. в ведущие страны континента: в апреле — в Великобританию, в июне — в ФРГ, в июле — во Францию. В наиболее развернутом виде выдвинутая еще в 1986 г. идея «общеевропейского дома» была изложена 6 июля 1989 г. в Страсбурге в речи на Парламентской ассамблее Совета Европы. Советский лидер считал, что идея европейского единения должна быть коллективно продумана заново. Он полагал, что теперь речь идет о такой перестройке сложившегося в Европе международного порядка, которая решительно вывела бы на первый план общеевропейские ценности, позволила бы заменить традиционный баланс сил балансом интересов [33, с. 339]. Касаясь экономического содержания «общеевропейского дома», советский лидер считал реальной перспективу «образования обширного экономического пространства от Атлантики до Урала с высокой взаимозависимостью восточной и западной его частей» [33, с. 340]. М.С. Горбачев, отчитываясь о визитах в Верховном Совете СССР, утверждал, что «сделаны решающие прорывы в идеологических барьерах на пути к новой мирной Европе», укрепилось доверие в восприятии друг друга на государственном уровне, создан «мощный подпор мирному процессу на континенте со стороны общественного мнения, миллионов европейцев» [33, с. 343]. На Западе же в ходе неофициальных встреч с советским лидером обращали внимание на то, что его идеи по «общеевропейскому дому» привлекательны, но носят размытый характер, указывали на трудности присоединения к интеграционным процессам, уже идущим в Западной Европе [33, с. 555, 337].

Важное место в политике «нового мышления» советское руководство отводило Организации Объединенных Наций и той роли, которую она призвана была играть в изменившихся условиях. Известный историк-американист А.И. Уткин ввел в научный оборот ранее не публиковавшийся источник, дающий представление о видении мирового порядка в духе «нового мышления». 28 августа 1989 г. Политбюро одобрило документ «О стратегической линии СССР в отношении ООН и связанных с ней международных организа-

ций». В нем была дана высокая оценка Устава ООН, определившего «основные человеческие ценности», и отмечено, что ранее советская сторона смотрела на ООН сугубо «с пропагандистской точки зрения. <...> Советский Союз не сумел оценить потенциал Организации Объединенных Наций». Согласно документу, «признание необходимости защиты национальной безопасности как компонента международной безопасности постоянно укрепляется» и даже более того: «с постоянным уменьшением роли военной силы в мировой политике значимость политических средств разрешения наиболее важных международных вопросов, роль и значение ООН растут». Организацию рассматривали как наилучший из имевшихся инструментов модернизации международных отношений. Уход СССР из Афганистана укрепил ее роль в урегулировании международных конфликтов. Плату за операции ООН в рамках политики «нового мышления» признавали более эффективной, чем помощь одному из участников конфликта: это «вклад в нашу безопасность. <...> Это будут инвестиции в наш социально-экономический и научно-технический прогресс». Как было указано в документе, в результате последуют деидеологизация международных отношений, переход от конфронтации к нахождению баланса интересов, в центре внимания государств будут разоружение, меры по укреплению доверия, конверсия военной промышленности, уменьшение военных расходов, ликвидация «синдрома секретности». Однако уже в те годы далеко не все политики и военные считали эти прогнозы реалистичными [44, с. 178].

Тем не менее советское руководство пыталось продвигать свои новые подходы. На 44-й сессии Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН (1989) делегацией СССР были представлены две памятные записки — «Роль ООН и связанных с ней международных организаций во взаимосвязанном мире» и «Усиление превентивных функций ООН», а также меморандум «О повышении роли международного права». Советский представитель сделал доклад «Новая модель безопасности и ООН». В том же году появилась первая в истории ООН совместная советско-американская резолюция с призывом ко всем государствам поддерживать деятельность организации в деле укрепления мира, безопасности и международного сотрудничества. На следующей, 45-й, сессии ГА ООН (1990) Советским Союзом был представлен меморандум «ООН в постконфронтационном мире» [35, с. 462].

Политика «нового мышления» в Центральной и Восточной Европе и завершение «холодной войны»

В 1989 г. наиболее важные политические изменения происходили в социалистических странах ЦВЕ. Здесь — сначала в Польше и

Венгрии — началась апробация новой американской стратегии. В Вашингтоне разработали пакет экономических мер, включавший реструктуризацию внешнего долга и предоставление кредитов «для капитализации и оживления частного сектора», а также доступ к привилегиям в торговле с США. Во время официальных визитов в Польшу (10–11 июля) и Венгрию (12 июля) Дж. Буш публично обусловил предоставление помощи проведением фундаментальных реформ. Позднее он так объяснял американскую политику: «Сосредоточенность Советского Союза на своих внутренних проблемах отвлекла его внимание от европейских сателлитов. Перестройка и ослабление контроля со стороны Москвы позволяли гражданам Центральной и Восточной Европы брать управление делами в свои руки, отказываться от незыблемой в прошлом авторитарной политической системы и централизованной экономики» [6, с. 45].

Союзное руководство продолжало отстаивать принцип «свободы выбора» в качестве универсального стратегического подхода в международных отношениях. Такая позиция была подкреплена как рядом важных заявлений, так и конкретными действиями. 8 мая 1989 г. Э.А. Шеварднадзе в интервью американскому журналу «Time» отмечал, что каждое государство имеет право на свободу выбора собственного пути развития. Отвечая на вопрос, может ли он представить себе сценарий, при котором внутренние волнения в какой-либо стране Варшавского договора потребовали бы советского вмешательства, Э.А. Шеварднадзе ответил: «Нет, такого сценария я не могу себе представить» [26, 08.05.1989]. 6 июля 1989 г., комментируя перемены в Польше и Венгрии (когда местные коммунистические партии перестали быть главенствующими политическими силами), М.С. Горбачев также подтвердил: «За каждым народом остается право выбора. Это центральный пункт. Если мы его не признаем, ничего хорошего ожидать в будущем международных отношений нельзя. Поэтому, как распорядится польский и венгерский народ <...> это их дело» [38, 07.07.1989].

В результате всего за год ситуация в Восточной Европе практически полностью вышла из-под контроля Москвы. Советская линия на «невмешательство» фактически поощряла противостоявшие правящим режимам силы. К концу 1989 г. во всех восточноевропейских государствах (за исключением Румынии) произошли события, которые стали называть «бархатными революциями». Их итогами стали отказ от руководящей роли коммунистических партий, формирование новых политических систем, утверждение политического плюрализма, многопартийности, а в сфере экономики — курс на глубокие рыночные реформы. Стимулированные советской «перестройкой» перемены в странах ЦВЕ способствовали радикализации политического процесса теперь уже в самом СССР.

Параллельно с изменениями в Европе в Советском Союзе развернулось переосмысление доперестроечной внешней политики. В печати критиковали «советский гегемонизм» в отношении Восточной Европы и Китая, обвиняли СССР в развязывании гонки вооружений, неспособности вести себя «цивилизованно» на международной арене, резко осуждали деятельность Коминтерна по «экспорту революции», «пакт Молотова–Риббентропа» (1939), нападение СССР на Финляндию, роль советского руководства в «Катынском деле», вооруженное вмешательство стран ОВД в Венгрии и Чехословакии, ввод войск в Афганистан.

Эти подходы закрепились и на официальном уровне. Политическим жестом выглядело отсутствие высшего руководства на проводах ушедшего из жизни в июле 1989 г. А.А. Громыко. На Съезде народных депутатов в декабре 1989 г. были осуждены «пакт Молотова–Риббентропа» и ввод войск в Афганистан. 25 октября 1989 г. в ходе визита в Финляндию М.С. Горбачев утверждал, что СССР не должен был вмешиваться в дела Восточной Европы [9]. Советский лидер заявил, что «пражская весна» 1968 г. была «допустимым движением к демократии, обновлению и гуманизации общества. Она была правильной тогда и правильна сейчас» [4, с. 130]. Несколькими днями позже были опубликованы Заявления руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши о том, что предпринятый в 1968 г. ввод войск их государств в Чехословакию стал вмешательством во внутренние дела суверенного государства и должен быть осужден, а также Заявление советского правительства о том, что подобные действия «в свете всех известных теперь фактов» следует считать ошибочными [38, 05.12.1989]. Таким образом, к концу 1989 г. большинство политиков как на Западе, так и в СССР констатировали конец «доктрины Брежневца». Более того, в вышедшей в декабре программной статье М.С. Горбачева «Социалистическая идея и революционная перестройка» [38, 26.12.1989] заинтересованным читателям бросилось в глаза отсутствие в ней самого понятия «реальный социализм».

С 1989 г. одной из самых чувствительных во внутренней жизни СССР стала *прибалтийская тема*, которая в конце года превратилась во внешнеполитическую проблему. С осени 1988 г. в Латвии, Литве и Эстонии разворачивался основанный на национальной идее процесс массовой политизации, отразившейся в создании Народных фронтов. Лозунги демократизации, расширения самостоятельности республик, защиты окружающей среды и национального возрождения смогли объединить большую часть населения. В Москве — и в руководстве, и в демократической среде — относились к Прибалтике как к «передовой периферии», где быстрее, чем в целом по стране, появлялись ростки гражданского общества, и поощряли этот процесс.

Однако главной целью национальные движения в Прибалтике изначально считали обретение независимости. Был расчет и на зарубежную поддержку. Выступавший в сентябре 1986 г. в Юрмале высокопоставленный американский дипломат публично подчеркнул, что «Соединенные Штаты никогда не признавали включения прибалтийских стран – Латвии, Литвы, Эстонии – в Советский Союз» [34, с. 99]. Речь по телевидению транслировали на Латвию, но она получила широкий резонанс во всем регионе. В практическом же плане сторонники идеи стремились к решению двух задач: добиться признания незаконности предвоенной оккупации и максимально – в зависимости от ситуации – обособиться в рамках СССР. Именно в Прибалтике в политический обиход было введено понятие «республиканский суверенитет», которое трактовали весьма широко. Здесь были приняты декларации о суверенитете, титульным языкам был придан статус государственных, установлены границы применения в республиках общесоюзных норм («война законов»).

Начало реформы политической системы СССР было использовано для вынесения прибалтийских проблем на общесоюзную трибуну. Депутаты открыто убеждали председателя Совета Союза СССР Е.М. Примакова, что в случае предоставления независимости Литве, Латвии и Эстонии эти страны с пониманием отнесутся к военным проблемам СССР и будут готовы сохранить советские базы ВМФ, аэродромы, станции раннего предупреждения, сооружения ПВО на своих территориях [3, с. 127]. Депутатам от этих республик при поддержке радикалов из других регионов удалось создать парламентскую Комиссию по расследованию событий 1939–1940 гг. Комиссия, работавшая под руководством А.Н. Яковлева, заняла «нужную» позицию, которая была подкреплена авторитетом резолюции II Съезда народных депутатов СССР в декабре 1989 г. Далекая от исторической корректности оценка событий пятидесятилетней давности развязывала руки прибалтийским «независимцам», которые уже весной 1990 г. приняли акты о восстановлении довоенной государственности.

Прибалтийская модель взаимоотношений с союзными властями имела исключительное значение для других республик. В РСФСР, на Украине, в Закавказье внимательно наблюдали, насколько последовательно и жестко союзное руководство готово пресекать сепаратизм. От этого во многом зависел и масштаб их собственных притязаний в ходе начинавшегося процесса перераспределения полномочий между общесоюзным и республиканским уровнями управления. В данном контексте прибалтийская проблема не просто влияла на характер реформирования федеративных отношений, но была прямо связана с сохранением целостности всего Сою-

за. Ситуация осложнялась тем, что на развитие событий в регионе все больше влияли США, установлению партнерских отношений с которыми в СССР придавали ключевое значение.

2–3 декабря 1989 г. советский и американский лидеры в ходе встречи на Мальте рассматривали итоги года в контексте восточноевропейских трансформаций. Значение этих переговоров определяется тем, что именно в их рамках были достигнуты принципиальные договоренности, заложившие основу дальнейшего двустороннего сотрудничества. Наибольшее внимание было уделено обсуждению ситуации в Восточной Европе, а также германскому вопросу. М.С. Горбачев вновь повторил, что СССР не будет вмешиваться в восточноевропейские дела: «Мы — за мирные перемены, мы не хотим вмешиваться и не вмешиваемся в идущие процессы. Пусть народы сами, без вмешательства извне решают, как им быть». Оба лидера констатировали, что объединение Германии фактически уже происходит, но при этом М.С. Горбачев отметил: Г. Коль «суетится, действует несерьезно, неответственно», ускоряя этот процесс, тогда как нужно быть максимально внимательным, «чтобы не нанести удар по переменам, которые сейчас начались». В ответ американский президент заметил, что США не собираются идти «на какие-либо опрометчивые действия, попытки ускорить решение о воссоединении» (Германии. — А.Б.) [30, с. 269]. Таким образом, на Мальте оба руководителя признали, что объединение Германии произойдет, хотя условия и сроки не были названы.

По инициативе США на Мальте обсуждали и прибалтийскую тему. В ходе встречи М.С. Горбачев неоднократно подчеркивал, что СССР решительно настроен избегать применения силы в Прибалтике, поскольку это «будет означать конец перестройке». Союзное руководство, по его словам, готово рассмотреть практически любую форму ассоциации для прибалтийских республик, однако оно не допустит их одностороннего выхода из СССР. Все перемены будут возможны только в рамках союзной Конституции. В ответ Дж. Буш напомнил, что США никогда не признавали прибалтийские республики частью Советского Союза, но если удастся избежать насилия, то Вашингтон не будет способствовать осложнению ситуации в этом регионе, подогревать антисоветские настроения и разрушать отношения с СССР. Вместе с тем американский президент обещал реагировать на любое применение силы со стороны Москвы: «Репрессивные меры вызвали бы в США обостренную реакцию, создали бы проблемы, осложняющие отношения между США и СССР» [4, с. 141]. Впоследствии Дж. Буш неоднократно напоминал М.С. Горбачеву о «прибалтийских соглашениях» на Мальте, М. Бешлосс и С. Тэлботт называли это «тайной сделкой по Прибалтике» [4, с. 142], а известный исследователь-

международник Ан.А. Громыко квалифицировал их как «мальтийский Мюнхен» [19, с. 170].

С конца 1989 г. все большее влияние на внешнюю политику СССР оказывали экономические трудности. Советский руководитель был вынужден все чаще выступать не только «партнером» западных государств, но и просителем помощи. Этот фактор, а также стремление Советского Союза интегрироваться в международные политические и экономические структуры давали Западу возможность настаивать на новых уступках со стороны СССР. Условия снятия дискриминационных для Советского Союза барьеров в торговле с США обсуждали на Мальте. Дж. Буш увязал приостановку поправки Джексона–Вэника с отказом СССР от помощи центральноамериканским режимам (в первую очередь Ф. Кастро на Кубе, Д. Ортеге в Никарагуа и М. Норьега в Панаме), а также с изменением советского эмиграционного законодательства. В таком случае США также готовы были «незамедлительно приступить» к переговорам по заключению торгового договора с СССР и инициировать отмену поправок Стивенсона и Бэрда, ограничивавших возможность предоставления Советскому Союзу кредитов. Способствовать развитию международного экономического сотрудничества, по мнению Дж. Буша, должно было решение американской администрации содействовать предоставлению Советскому Союзу статуса наблюдателя в Генеральном соглашении по тарифам и торговле (ГАТТ; General Agreement on Tariffs and Trade – GATT). Кроме того, американский президент высказал пожелание о вступлении СССР в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – по его мнению, это улучшило бы отношения между Востоком и Западом [6, с. 153].

На мальтийской встрече лидеры обеих стран обсуждали также вопросы сокращения химического оружия, обычных вооружений в Европе, стратегических наступательных вооружений. Подводя итоги переговоров, Дж. Буш заявил, что в отношениях между СССР и США восторжествовали «западные ценности». На последовавший упрек М.С. Горбачева «Почему демократия, гласность, рынок – это западные ценности?» Дж. Буш ответил: потому что «США и Западная Европа разделяют их в течение многих лет». Советскую позицию выразил А.Н. Яковлев, ответив, что в таком случае получается, будто «западные ценности» отличны от «восточных», «северных» или «южных ценностей», а это в СССР многими будет воспринято «как образчик западного идеологического империализма». Дж. Бейкер предложил компромиссный вариант: следует говорить о «демократических ценностях» как основе общей платформы [51]. Тем не менее американцы не оставили без внимания тот факт, что понятие «демократические ценности» отожде-

ствляется прежде всего с понятием «Запад», и посчитали это своей победой. Фактически вместо идеи конвергенции «сравнительных преимуществ» социализма и капитализма в СССР в конце 1980-х годов происходило постепенное восприятие элементов западных моделей и ценностей, что в свою очередь вело к эрозии существовавшей в Советском Союзе системы.

Начавшиеся весной и летом 1989 г. демократические процессы в европейских странах «социалистического содружества» осенью распространились на ГДР, что выдвигало в повестку дня обсуждение германской проблемы. Движения за воссоединение активизировались как в Восточной, так и в Западной Германии и были поддержаны Вашингтоном. Для СССР этот вопрос имел особое значение, поскольку по итогам Второй мировой войны в Европе сложился геополитический баланс, в поддержании которого Восточной Германии принадлежала одна из ключевых ролей. Постановка и решение данной проблемы означали серьезную проверку «нового мышления» на прочность.

Международные аспекты преодоления раскола германской нации, который многие (как на Западе, так и на Востоке) считали противоестественным, включали три блока проблем. Первый связан с преодолением *государственного* раскола: будет ли сближение немцев происходить в рамках уже существующих двух германских государств или в воссозданном едином государстве в границах 1945 г.? Произойдет это через *объединение* двух государств, где за годы обособленного существования сформировались свои особенности, или через *присоединение* ГДР к более сильной Федеративной Республике? Второй блок проблем — *сроки и темпы* сближения, от которых зависели формы сосуществования восточных и западных немцев в переходный период. Этот вопрос прямо влиял на решение третьего проблемного блока: *формирование новой системы европейской безопасности*, так как оба германских государства входили в противостоявшие военные блоки. Соответственно процесс германского объединения предполагал его синхронизацию с двумя другими взаимосвязанными процессами: превращением СБСЕ в главную несущую конструкцию европейской безопасности и трансформацией НАТО и ОВД в объединения с преимущественно политическими функциями. К середине 1989 г. продуманных вариантов решения этих проблем у советского руководства не было.

А.С. Черняев отмечал, что начало процессу объединения Германии положил визит М.С. Горбачева в ФРГ в июне 1989 г., когда в Совместном заявлении лидеры двух стран признали «безоговорочное уважение права народов на самоопределение», а также «право свободно выбирать свою политическую и социальную сис-

тему» [52, с. 291]. Однако до осени 1989 г. как советским, так и западным руководителям объединение Германии представлялось возможным лишь в отдаленной перспективе. М.С. Горбачев называл разные сроки — и 100 лет, и то, что «ждать придется, может быть, очень долго», так как «речь идет о задаче не нашего поколения» [15, с. 60, 68]. Подобных оценок придерживались многие европейские лидеры, которые исходили из того, что воссоединение двух германских государств может «дестабилизировать обстановку». Кроме того, они допускали, что в германском вопросе Советский Союз не пойдет до конца (т.е. до объединения).

«Бархатные революции» и спокойное восприятие их в СССР показали, что вопрос о сроках объединения Германии может быть пересмотрен. В США к этому были в принципе готовы: еще в марте 1989 г. сотрудники Совета национальной безопасности Б. Скоукрофт, Д. Блэквилл и Ф. Зеликов предложили рассматривать проблему «воссоединения» как политическую задачу [6, с. 172]. Реакция советского руководства на падение 9 ноября 1989 г. Берлинской стены подтвердила, что четкой позиции по данному вопросу в СССР нет. Министерство иностранных дел прокомментировало это событие спокойно: 10 ноября 1989 г. представитель МИД Г. Герасимов заявил, что открытие границы в Берлине — суверенное решение правительства ГДР, но оно отнюдь не означает исчезновения самой границы между государствами [38, 11.11.1990]. Однако в день падения М.С. Горбачев направил телеграммы Дж. Бушу и Г. Колю, в которых требовал прекратить все разговоры о возможном объединении Германии [6, с. 142]. Последовавшие шаги свидетельствовали об определенной растерянности советского руководителя. 17 ноября новый популярный председатель Совета министров ГДР Г. Модров в осторожной форме обозначил возможные пути решения «немецкого вопроса». Он предлагал, чтобы оба германских государства в целях «квалифицированного добрососедства» и «кооперационного сосуществования» расширили свое «сообщество ответственности» до «договорного сообщества», далеко выходящего за рамки существовавших между ГДР и ФРГ соглашений. В ЦК КПСС это вызвало недовольство, так как «договорное сообщество» могло быть истолковано как конфедерация, которую тогда в Москве считали неприемлемой. Для разъяснения немецкому руководству советской позиции 24 ноября в Берлин прибыл заведующий Международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин [28, с. 208–209]. Однако еще 21 ноября в Бонн для встречи с внешнеполитическим советником канцлера Х. Тельчиком прилетел сотрудник возглавляемого В.М. Фалиным отдела Н.С. Португалов. Он передал собеседнику документ, в котором были изложены «официальные» и «неофициальные» соображения советского

руководства по германской проблеме. В неофициальных предлагалось обсудить вопросы возможного объединения Германии и ее вхождения в блоки – НАТО и ОВД [47, с. 47–49]. Такую постановку проблемы в ведомстве федерального канцлера расценили как согласие и, главное, готовность Москвы рассмотреть аспекты германского объединения. Х. Тельчик отмечал: «Уж если Горбачев и его советники обсуждают возможность воссоединения и связанные с ним вопросы, то для нас самое время не заниматься этим дальше, а переходить в наступление» [54, S. 42–44]. Уже 28 ноября появились известные «10 пунктов» Г. Коля, с которыми он предварительно ознакомил лишь американских партнеров. Значение «пунктов» заключалось в том, что курс на присоединение ГДР к Федеративной Республике был переведен из теории в практическую плоскость.

Вынужденный реагировать, Э.А. Шеварднадзе 19 декабря 1989 г., выступая в Политическом совете Европейского парламента, по сути, впервые озвучил советские условия возможного объединения Германии. Главными из них были: предоставление гарантий того, что немецкое единство не создаст в перспективе угрозы национальной безопасности других государств и миру в Европе; обязательное признание существовавших на тот момент границ в Европе и отказ от каких-либо территориальных претензий; ясность в вопросе принадлежности Германии к военно-политическим блокам; ясность с военной доктриной и структурой вооруженных сил единой Германии (готова ли она пойти на демилитаризацию, принять нейтральный статус, перестроить свои экономические и иные связи с Восточной Европой) [8, с. 11]. Как видно, в своем большинстве требования носили общий характер и нуждались в уточнении. На прошедших в конце 1989 г. встречах с западными лидерами (М. Койквисто, Б. Малруни, Дж. Андреотти) М.С. Горбачев по-прежнему повторял, что «не считает объединение Германии делом реальным», «немцы могут забыть относительно вопроса об объединении», «сегодня ставить вопрос о воссоединении [Германии. – А.Б.] как актуальный <...> было бы неправомерно» [5, с. 491]. Наиболее решительно против скорого объединения выступали Ф. Миттеран и М. Тэтчер [32, с. 211], но они исходили из того, что сам СССР будет твердо отстаивать свои позиции, которые, однако, вскоре радикально изменились.

В январе 1990 г. обстановка в ГДР непрерывно ухудшалась. В этих условиях 26 января 1990 г. в Кремле состоялось совещание по германскому вопросу в узком кругу (помимо М.С. Горбачева присутствовали Н.И. Рыжков, Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлев, В.М. Фалин, В.А. Крючков, С.А. Ахромеев, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров), на котором было решено исходить из неизбежности объединения

Германии. Предлагалось: выступить с инициативой об образовании «шестерки» государств, куда бы вошли четыре державы-победительницы и «две Германии»; не обрывая связей с руководством ГДР, ориентироваться на Г. Коля; теснее координировать советскую позицию по Германии с Парижем и Лондоном; поручить военному руководству проработать вопрос о выводе советских войск из ГДР [30, с. 307–311]. Во время визита Г. Коля в Москву 10 февраля М.С. Горбачев сделал гостю неожиданный подарок. В опубликованном сообщении об итогах визита сказано: «М.С. Горбачев констатировал – и канцлер с ним согласился, – что сейчас между СССР, ФРГ и ГДР нет разногласий по поводу того, что вопрос о единстве немецкой нации должны решать сами немцы и сами определять свой выбор, в каких государственных формах, в какие сроки, какими темпами и на каких условиях они это единство будут реализовывать». Формула «4 + 2» видоизменилась в «2 + 4» [28, с. 236]. Пикантность ситуации состояла в том, что мнение руководства Восточной Германии на этот счет было проигнорировано.

Весной 1990 г. на выборах в ГДР победила коалиция партий, выступавших под лозунгом немедленного объединения с ФРГ, планы поэтапного воссоединения были окончательно отброшены, а СССР «начали исподволь объяснять», что этот процесс может произойти и без его участия. В среде дипломатов даже появилась красноречивая формула, что «2 + 4 = 1 + 5», она не изменила общей суммы, но отражала неустойчивость советских переговорных позиций [27, с. 37]. Вопрос объединения Германии продолжал тревожить и западноевропейские государства. В то же время ни французы, ни англичане не были готовы сказать решительное «нет» Г. Колю. Как замечал по этому поводу А.С. Черняев, европейские союзники ФРГ по НАТО хотели «задержать процесс воссоединения <...> руками Горбачева» [52, с. 310]. В апреле 1990 г. на встрече лидеров НАТО в Дублине под нажимом США была выработана общая «североатлантическая» позиция, исходившая из неизбежности объединения Германии. Краеугольный для безопасности СССР вопрос о вхождении единой Германии в НАТО был решен также в соответствии с американским сценарием [2, с. 144–159].

Таким образом, был открыт путь к завершению переговоров «шестерки», и 12 сентября 1990 г. в Москве министрами иностранных дел ГДР, ФРГ, СССР, США, Великобритании и Франции был подписан «Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии», который восстанавливал ее статус как суверенного государства, а права бывших оккупационных держав в отношении обеих ее частей прекращал. Договор стал юридическим оформлением итогов Второй мировой войны в Европе наряду с мирными договорами, подписанными державами-победительницами в конце

1940-х годов. 3 октября 1990 г. ГДР присоединилась к ФРГ, образовав единое государство, а 10 ноября 1990 г. в ходе визита М.С. Горбачева в Германию был подписан советско-германский Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве [24, с. 15–18; 22, с. 11–15].

Результаты объединения Германии с точки зрения интересов Советского Союза оценивают по-разному. Признавая в целом неизбежность этого события, большинство авторов считают, что советское руководство с самого начала проводило крайне непоследовательную политику, шло на неоправданные односторонние уступки Западу и слабо отстаивало национально-государственные интересы своей страны. Условия вхождения объединенной Германии в НАТО, вывода из ГДР почти полумиллионной Западной группы войск и другие вопросы по-прежнему являются темами неравнодушных публикаций и обсуждений. То, что условия расширения НАТО на Восток не были зафиксированы в письменном виде, называют одной из главных ошибок внешней политики М.С. Горбачева. Мнение бывшего президента СССР о том, что выдвижение подобного требования «в тот момент было бы просто глупостью, так как существовали НАТО и ОВД» [16, с. 246], не представляется обоснованным, поскольку уже тогда внутреннее единство Варшавского договора было весьма условным, а вхождение объединенной Германии в НАТО, по сути, предопределяло невозможность дальнейшего существования ОВД: выпадение из блока ГДР разрушало всю его инфраструктуру, подрывало его основы и, наоборот, укрепляло Североатлантический альянс.

В результате всех этих событий уже к лету 1990 г. судьба главных объединений «социалистического содружества» — ОВД и СЭВ — была предрешена. С того времени шли переговоры, формально посвященные совершенствованию структуры и деятельности этих организаций. Однако контрагентами советских руководителей были уже не покладистые «друзья» из братских партий, а активные деятели антикоммунистической волны. Они «поставили ребром» вопрос о сроках вывода военных контингентов СССР со своих территорий, в проекты двусторонних соглашений не желали включать положения об отказе от участия во враждебных друг другу союзах. В этих условиях, как точно заметил историк Р.А. Медведев, проходившие встречи были переговорами «об организации похорон, которые все хотели провести быстро и без каких-либо торжеств и поминок» [29, с. 400]. 28 июня 1991 г. в Будапеште был подписан протокол об упразднении СЭВ, а 1 июля в Праге — о ликвидации ОВД.

Экономическая деградация СССР в 1990–1991 гг. существенно подрывала возможность проведения эффективной внешней политики. Трудности зашедшей в тупик «перестройки» фактически уза-

конили влияние на советскую политику извне. Рубежным оказался май 1990 г.: с того времени советское руководство стало напрямую обращаться к лидерам других стран с просьбой предоставить экономическую и финансовую помощь СССР. Этому предшествовала конференция в Сан-Франциско в апреле 1990 г., на которой представители крупнейших коммерческих банков заявили, что дальнейшее кредитование Советского Союза ввиду повышенных кредитных рисков возможно лишь при участии правительств ведущих стран Запада, а не на уровне частных банков. Таким образом, речь шла уже о кредитах в обмен на политические решения. В литературе это нашло отражение в термине «политические кредиты» [11, с. 265–267, 288].

Советская заинтересованность в иностранных кредитах в полной мере проявилась в ходе важнейших переговоров. 5 мая 1990 г. Э.А. Шеварднадзе и Г. Коль на встрече в ФРГ обсуждали вопрос о будущем Германии. Советский министр по поручению М.С. Горбачева и Н.И. Рыжкова также поставил перед канцлером ФРГ вопрос о предоставлении СССР «крупного финансового кредита». По версии Х. Тельчика, Э.А. Шеварднадзе говорил о 5 млрд марок [54, S. 230]. Ю.А. Квицинский (в то время советский посол в ФРГ) вспоминал, что сообщить сумму ожидаемого Москвой от ФРГ кредита 5 мая было поручено ему, и речь шла о 20 млрд марок [27, с. 22]. Окончательную сумму кредита, а также условия его предоставления стороны предполагали обсудить в ближайшее время.

13 мая в Москву в обстановке строгой секретности прилетел Х. Тельчик вместе с влиятельными немецкими банкирами, среди которых были глава «Дрезденер Банка» В. Реллер и руководитель «Дойче Банка» Х. Коппер. На следующий день они были приняты М.С. Горбачевым и Н.И. Рыжковым. На переговорах Х. Тельчик подчеркнул, что возможные договоренности в финансовой сфере являются «частью общего пакета решений» по германскому вопросу, а потому будут «крайне полезны» для «сферы, где ведет обсуждение Э.А. Шеварднадзе, чтобы там поутихли споры» [27, с. 25; 37, с. 314]. В опубликованных протоколах переговоров такой фразы нет, однако в них зафиксирована просьба М.С. Горбачева о 15–20 млрд руб. немецких кредитов, из которых 1,5–2 млрд «требуется как можно скорее» [30, с. 429]. Х. Тельчик настаивает на том, что немецкая делегация однозначно увязывала вопрос кредитования СССР с советским согласием на членство объединенной Германии в НАТО. Это подтверждают и американские источники [6, с. 260]. М.С. Горбачев называет «вымыслом» связь между западногерманскими кредитами и членством Германии в НАТО. Однако такая позиция не представляется безупречной. Как справедливо заметил Ю.А. Квицинский, решение германского вопроса и параллельное

ему обсуждение условий получения Советским Союзом западно-германских кредитов вольно или невольно наводило руководство ФРГ на мысль о существовании соответствующей взаимосвязи, даже если ее и не было [27; 23].

Стремление получить кредиты и заключить желаемые экономические соглашения вынуждало СССР принимать предлагаемые извне условия, ограничивавшие самостоятельность внутренней и внешней политики страны. Так, и накануне, и во время советско-американского саммита в Вашингтоне 31 мая – 2 июня 1990 г. М.С. Горбачев обратился к Дж. Бушу с просьбой предоставить СССР кредит на «преодоление внутренних трудностей» в размере примерно 20 млрд долл. Американский президент обусловил возможность предоставления средств несколькими шагами Москвы: прекращением помощи Кубе, более гибкой позицией в германском вопросе, а также советскими экономическими реформами. Тогда же, обсуждая возможность подписания торгового договора, необходимого СССР, Дж. Буш выдвинул принципиальное негласное условие, на которое М.С. Горбачев согласился пойти: установление диалога с Литвой и снятие с нее экономических санкций. Американский президент сказал, что без этого ратификация договора в Конгрессе невозможна. Официально же была названа другая причина: ратификация не состоится до тех пор, пока в СССР не будет принято законодательство об эмиграции [6, с. 245–258]. Всего за период 1990–1991 гг. Советский Союз обратился с просьбой о предоставлении экономической и финансовой помощи к 12 государствам, не считая международных организации [5, с. 427].

Колоссальные изменения 1989–1990 гг. были закреплены в серии важных документов. 19–21 ноября 1990 г. в Париже в рамках СБСЕ произошла встреча делегаций 34 стран. По ее итогам была принята «Парижская хартия для новой Европы», провозгласившая окончание эпохи конфронтации и наступление «эры демократии, мира и единства» на континенте [36]. Участники встречи заявили о готовности взаимодействовать по проблемам безопасности, для чего СБСЕ планировалось превратить в постоянно действующий международный институт. В хартии были провозглашены «новые общеевропейские ценности», которые должны были составить основу партнерства в Европе после окончания «холодной войны»: твердая приверженность демократии, построенной на правах человека и основных свободах; процветание через экономическую свободу и социальную справедливость; равная безопасность для всех [36].

Кроме того, в Париже между участниками ОВД и НАТО был подписан «Договор об обычных вооруженных силах в Европе» (ДОВСЕ) [23]. В соответствии с ним устанавливались предельные (т.е. достаточные для обороны, но недостаточные для внезапного

нападения и крупномасштабных наступательных операций) уровни вооружений, которыми страны обоих блоков могли располагать на пространстве «от Атлантики до Урала».

Суть договора заключалась в *выравнивании* боевых потенциалов войск обеих коалиций. Ограничению подлежали 5 категорий тяжелых обычных вооружений: танки, боевые бронированные машины (ББМ), артиллерия калибра 100 мм и более, боевые самолеты (фронтальной, тактической авиации, средние бомбардировщики, истребители ПВО), ударные вертолеты. У каждой из сторон должно было оставаться не больше 20 тыс. танков, 30 тыс. ББМ, 20 тыс. артиллерийских орудий калибра свыше 100 мм, 6800 боевых самолетов, 2 тыс. ударных вертолетов. Для ОВД и НАТО сокращения носили асимметричный характер. Это вызвано тем, что в годы «холодной войны» в Центральной Европе между блоками сложились диспропорции по обычным вооружениям с подавляющим преимуществом ОВД (только по танкам и артиллерии превосходство было более чем в два раза). Таким образом, сокращать Восточному блоку предстояло больше — по некоторым оценкам, до 70% своей наземной техники, существовавшей в регионе к 1989 г. [23; 35, с. 457–460].

Американские официальные лица в своей среде не скрывали удивления по поводу того, что Москва подписала ДОВСЕ на невыгодных для нее условиях. Дж. Мэтлок позже писал: «Горбачев делал все для ускорения переговоров. <...> На деле, он действовал с такой быстротой, удовлетворяя требования Запада, <...> что вызвал этим некоторые проблемы с координацией между участниками западноевропейского альянса. Ряд западных предложений делались в расчете на то, что Москва никогда их не примет. Когда же та приняла, то кое-кто из союзников засомневался, смогут ли они сами ужиться с собственными предложениями» [31, с. 163]. И действительно, практически сразу после подписания ДОВСЕ стороны начали высказывать взаимные обвинения в невыполнении условий договора. Запад упрекал СССР в том, что тот стал переводить подлежащие уничтожению вооружения за Урал, а армейские бомбардировщики и пехотные дивизии переподчинял ВМФ, чьи организационные структуры договором не регламентировались. В ответ Советский Союз обратился к государствам, подписавшим ДОВСЕ, с предложением пересмотреть некоторые положения договора, против чего выступили как страны НАТО, так и союзники СССР по ОВД.

Внешняя политика СССР и менявшийся мировой порядок

На фоне политической и экономической дестабилизации в СССР его восприятие ведущими мировыми державами в качестве

«полновесного», равного партнера неуклонно снижалось. Наиболее наглядно эту тенденцию продемонстрировало участие Советского Союза в урегулировании кризиса в зоне Персидского залива. «Переломное» для его разрешения значение имела поддержанная Москвой резолюция Совета Безопасности ООН № 678 от 29 ноября 1990 г., позволявшая использовать «все необходимые средства» для освобождения Кувейта от вторгшихся туда в августе иракских войск. На ее основании 17 января 1991 г. многонациональные силы в составе соединений США, Великобритании, Франции, Египта, Сирии и ряда других государств начали военную операцию под названием «Буря в пустыне». В общей сложности она продолжалась 42 дня и завершилась разгромом иракских войск [48].

Поддержка Советским Союзом действий коалиции выглядела вполне естественным шагом новой внешней политики и свидетельствовала о тектонических сдвигах не только в СССР, но и в мире. Вместе с тем уже в ходе совместных действий в полной мере проявилось неравноправие в отношениях сверхдержав. Руководство США форсировало военные решения, отвергая политические инициативы Москвы, и неоднократно ставило советское руководство перед свершившимися фактами. Так, несмотря на заявление премьер-министра Ирака Т. Азиза утром 23 февраля 1991 г. на пресс-конференции в Москве о готовности Ирака вывести свои войска из Кувейта в соответствии с предложенным СССР планом, Дж. Буш в тот же день вечером объявил о начале сухопутных военных действий 24 февраля 1991 г. На заданный по телефону возмущенный вопрос М.С. Горбачева «Вы консультируетесь с нами или информируете нас?» Дж. Бейкер ответил: «Мы вас информируем» [52, с. 422]. Победоносный исход войны в Персидском заливе обеспечил доминирование США на Ближнем Востоке и существенно изменил расстановку сил среди арабских стран, чего советская дипломатия намеревалась избежать, отдавая предпочтение политическим решениям.

Широкомасштабный экономический и политический кризис в СССР в 1990–1991 гг. привел к тому, что западные страны и в первую очередь США, несмотря на неоднократные заверения в своей заинтересованности в сохранении Союза, оказывали поддержку центробежным тенденциям. В 1990 и 1991 гг. американская администрация выступала посредником в переговорах между М.С. Горбачевым и лидерами прибалтийских республик, прежде всего в вопросах о введении экономических санкций и применении силы в Прибалтике. На колебания СССР относительно возможности использовать войска для подавления антисоюзных выступлений в Литве и Латвии в январе 1991 г. Вашингтон отреагировал незамедлительно. В письме М.С. Горбачеву Дж. Буш пригрозил заморозить

экономические отношения с СССР, а также выступить против предоставления ему ассоциированного членства в МВФ и Всемирном банке [6, с. 442].

К весне 1991 г. позиция Вашингтона трансформировалась в сторону поддержки республиканских лидеров, вызрела идея «подмены Центра». Позднее в мемуарах Дж. Буш сформулировал ее так: «Надо танцевать с теми, кто находится на танцплощадке», но при этом «надо стараться создавать впечатление, что США не поддерживают дестабилизацию» [6, с. 444]. В марте 1991 г. в Москве Дж. Бейкер попытался напрямую наладить отношения с республиканскими лидерами. Для этого в резиденции американского посла Дж. Мэтлока был устроен специальный ужин, на который пригласили руководителей 12 республик, за исключением прибалтийских (согласились прийти главы Казахской, Грузинской, Армянской, Киргизской ССР; Б.Н. Ельцин в последний момент отказался), а также председателей Моссовета и Ленсовета — Г.Х. Попова и А. Собчака. Из команды М.С. Горбачева на ужине не присутствовал никто, что было связано с указанием последнего бойкотировать «мероприятие» [49, с. 116].

В 1990–1991 гг. все более неопределенной становилась перспектива существования единой дипломатической службы СССР. Союзные республики начинали играть активную роль в отношениях с иностранными государствами, действуя в обход МИД СССР и центральных ведомств; ставили вопросы об открытии собственных дипломатических и консульских представительств, назначении собственных специальных представителей в посольства СССР. Со стороны МИД были попытки удержать контроль над «выходившими из тени» Союза республиканскими внешнеполитическими министерствами. В конце 1990 г. Э.А. Шеварднадзе выдвинул идею создания Совета министров иностранных дел республик под председательством союзного МИД. После его отставки новый министр А.А. Бессмертных пытался реализовать эту идею, но потерпел неудачу. Решение о создании новой структуры 15 февраля 1991 г. было принято, однако на практике схема не сработала: совместной разработки, осуществления и координации внешнеполитической деятельности не получилось [26, 16.02.1991].

Весной 1991 г. экономическая обстановка в Советском Союзе продолжала ухудшаться. Под руководством советника президента СССР В.А. Медведева была создана представительная Рабочая комиссия, призванная подготовить специальное программное письмо М.С. Горбачева его западным партнерам. В апреле находившийся в США Г.А. Явлинский предложил усилиями советских и американских специалистов разработать программу перехода СССР к рыночной экономике. Идея была одобрена в Вашингтоне,

а затем и в Москве, и после телефонной договоренности между М.С. Горбачевым и Дж. Бушем Г.А. Явлинский 19 мая отправился в Гарвард. Там при участии профессоров Дж. Сакса и Г. Аллисона к 11 июня была подготовлена программа «Согласие на шанс». В ней переход СССР к рыночной экономике предложено было начать с 1 января 1992 г. и осуществить за 4 года. Программой был запланирован ежегодный приток иностранного капитала в пределах 20–35 млрд долл., что в итоге составило бы 80–140 млрд долл. Г.А. Явлинский был принят Дж. Бушем, а по возвращении в Москву вручил текст М.С. Горбачеву, затем Б.Н. Ельцину. Документ оценивают поразному. Одни обращают внимание на его поддержку со стороны политиков и экономистов. Другие называют «искусственным» и «утопическим», имея в виду сжатые сроки намеченного перехода и масштабы ожидаемой помощи [29, с. 454; 34, с. 542]. В окружении М.С. Горбачева в те месяцы говорили о желательности чего-то вроде нового «плана Маршалла» в отношении СССР, называли цифру 100 млрд долл., не считая ее чрезмерной: ее рассматривали как возможную благодарность за окончание «холодной войны», избавление от страха и угроз, а также связанных с ними расходов (100 млрд долл. в 1991 г. примерно соответствовали затратам США в 1948–1952 гг. в ценах того времени).

В обращении М.С. Горбачева за помощью к Западу содержался не только экономический, но и политический смысл. В поддержке со стороны развитых стран нуждался и союзный центр, и стремившиеся к проведению суверенной политики республики. Предоставление помощи правительству СССР означало бы, что распределение пойдут через его структуры и сделает республиканских лидеров стоворчивее при подготовке нового союзного договора. Отказ в поддержке наносил бы серьезный удар по престижу и без того ослабленной центральной власти с вполне предсказуемыми последствиями. Все эти причины обусловили стремление М.С. Горбачева добиться приглашения на встречу «Большой семерки» в Лондоне в июле 1991 г. Именно под нее дорабатывали все программные «заготовки» весны 1991 г.

Поездку в Лондон связывали и с расчетами облегчить долговое бремя: с 1985 по 1991 г. внешний долг СССР вырос с 28,3 до 95,3 млрд долл., т.е. более чем в 3 раза, причем только за последний год — на 35,5 млрд долл., поэтому М.С. Горбачев поручил подготовить проект «обращения к западным государствам о консолидации этого долга и перенесении сроков платежей». Созданию благоприятного фона должно было способствовать принятие Верховным Советом СССР в начале июля 1991 г. двух законов: «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий» и «Основ законодательства об иностранных инвестициях в СССР» [34, с. 547].

11 июля 1991 г. личное послание М.С. Горбачева с приложениями было отправлено дипломатами западным партнерам. Дж. Бушу его вручил прибывший в Вашингтон министр иностранных дел А.А. Бессмертных. В документе содержались обещания отпустить цены, провести приватизацию, обеспечить полную экономическую свободу, создать рыночную инфраструктуру. Президент прямо писал, что осуществление предложенных реформ будет возможным лишь при «серьезной помощи» западных стран, так как «включение советской экономики в мировое хозяйство» требует широкого и активного «встречного движения» [13, с. 290–292]. Через три дня последовало ответное письмо американского президента, где он выражал поддержку реализуемых СССР мер, однако столь же откровенно заявлял, что «рыночные реформы в Союзе могут и должны проводиться только за счет советских, а не за счет западных ресурсов. В лучшем случае промышленные страны могут оказать влияние, но только при условии, что в Советском Союзе будет проявлена сильная и несомненная преданность демократии и рынку». СССР предлагали работать непосредственно с МВФ и Всемирным банком [13, с. 293].

Поездка советского лидера была преподнесена как встреча с «Большой семеркой», однако она имела свои особенности. М.С. Горбачев приехал в Лондон не в качестве полноправного участника, а как официальный гость Великобритании и ее премьера. Президент СССР не мог присутствовать на заседаниях и обедах саммита, но после его окончания 17 и 18 июля состоялись отдельные встречи советского лидера с западными коллегами. Беседы носили полуофициальный характер, не предусматривали официальных переговоров и соглашений. Полученное накануне горбачевское послание фактически не обсуждали. И хотя сам М.С. Горбачев назвал итоги визита в Лондон «новым стартом», в СССР их оценивали как провальные.

Кардинальные перемены, произошедшие в мире к середине 1991 г., лишали смысла продолжение расточительной гонки вооружений. Преодоление конфронтации периода «холодной войны» позволило СССР и США прийти к взаимоприемлемым соглашениям. Логичным завершением многолетних переговоров в военной сфере стал подписанный 31 июля 1991 г. в Москве советско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Главной его особенностью стало то, что стороны обязались сократить ядерные боезаряды своих стратегических средств почти вдвое. Реально снижалось и количество вооружений по всей триаде СНВ. Советскому Союзу в общей сложности предстояло сократить численность боезарядов на межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) с 6595 до 3028 единиц

и на стратегических подводных лодках — с 2810 до 1872, Соединенным Штатам — соответственно с 2450 до 1444 и с 5056 до 3456 единиц. При этом советские тяжелые МБР, составлявшие основу стратегических сил СССР, сокращались наполовину (с 308 до 154 единиц), в то время как структура американских ядерных сил, ведущая роль в которой принадлежала ядерному подводному флоту, оставалась практически без изменений. Американцам удалось также вывести из-под действия Договора новейшие системы вооружения, такие как баллистические ракеты подводных лодок «Trident» и крылатые ракеты воздушного базирования, против чего долгое время выступала советская сторона. И наоборот, СССР не пошел на запрещение своих мобильных МБР, чего настойчиво добивались США.

В то же время в СНВ-1 не было зафиксировано то, что он может быть эффективным только в условиях соблюдения Договора по ПРО в том виде, в каком тот был подписан в 1972 г., и что к «исключительным обстоятельствам», при которых Договор может считаться недействительным, относится выход одной из сторон из Договора по ПРО либо его нарушение. На этот счет было лишь одностороннее заявление СССР [23]. Подписание Договора СНВ-1 можно рассматривать как последний крупный внешнеполитический шаг СССР. С середины 1991 г. активность советской внешней политики стала резко падать. Это объясняется слабостью центральной власти, которая оказалась не в состоянии эффективно противостоять дезинтеграционным процессам. Неудавшаяся попытка государственного переворота 19–21 августа 1991 г. окончательно подорвала позиции М.С. Горбачева как союзного руководителя.

Ретроспективное осмысление опыта политики «нового мышления» непременно сопровождается обсуждением проблемы характера соотношения политики и морали, реализма и идеализма в подходе к международным делам. Как известно, в теории традиционно противопоставляют политический реализм и политический либерализм (идеализм). В рамках реалистического подхода, как известно, доминирующим принципом является интерес, в мировой политике — национальный интерес государств, основная форма взаимодействия которых — конфликт. Для достижения своих целей государства руководствуются категориями силы, мощи, баланса сил, национального интереса. Сторонники либерального (идеалистического) подхода трактуют политику, в том числе международную, как сферу сотрудничества, взаимопомощи, права, интеграции. На первый план выходят общечеловеческие ценности

и демократические принципы. В качестве мотивов деятельности выступает стремление к бесконфликтности, гармоничному сосуществованию разных стран и народов.

Известный элитолог О.В. Гаман-Голутвина обращает внимание на то, что в России ментальность властных групп чаще описывали в категориях политического реализма, а ментальность массовых групп — в рамках категорий политического идеализма. При этом для массового сознания этические представления о должном в политике характеризовались смещением норм политической и «частной» морали, что методологически некорректно. В основе «частной» морали лежит убеждение в *незыблемости* идеалов, ценностей, принципов, следование которым в индивидуальном плане предполагает не только определенное самоограничение, но и жертвенность. В политике же для реализации интереса требуются *изменения*, которые определяются подвижностью условий ее проведения. Из этого постулата вытекает несовпадение критериев нравственности в политике и в «человеческой» морали. В политике это ее соответствие национально-государственным интересам страны; а так как интересы государств различаются, нравственной является такая политика, которая отвечает интересам прежде всего «своей» страны. В этом случае «частная» (личная) мораль отступает на второй план. Механическая же экстраполяция «частной» морали на политику может привести к абсурдному выводу о глубокой безнравственности самого института государства, реализация функций которого предполагает применение насилия, порой масштабного или превентивного [12, с. 59–62]. Понятно, это вовсе не означает, что политика должна быть безнравственной в принципе.

Использование критериев политической или «частной» морали при оценке действий государства во внешней сфере приводит к диаметрально противоположным выводам. В этом плане ярким примером перестроечного периода является отношение к советско-германскому договору 23 августа 1939 г. С позиций руководящегося «частной» моралью массового сознания пакт Молотова–Риббентропа является аморальным политическим действием, а с точки зрения политического реализма — шагом не только оправданным, но и необходимым.

После 1991 г. А.С. Черняев так комментировал советскую внешнеполитическую линию второй половины 1980-х годов. На смену «*национальным интересам в старом духе* [курсив наш. — А.Б.], в духе геополитических игр и интересов» с М.С. Горбачевым пришло их новое понимание. Главный национальный интерес СССР, по мнению руководства страны, — прекращение гонки вооружений, конец господства ВПК в экономике и политике, «освобождение» Восточной Европы от «имперского» доминирования со сто-

роны СССР и отказ от «великодержавных претензий и практики» в целом. Только таким путем, по мнению А.С. Черняева, было возможно становление в СССР эффективной экономики, полноценно интегрированной в мировое хозяйство, что стало важнейшим приоритетом советской внешней политики во второй половине 1980-х годов [50, с. 99–101, 178].

В целом же политическая философия М.С. Горбачева предстает как преимущественно идеалистическая. Даже название его главной книги – «Новое мышление для нашей страны и для всего мира» (1987) – несло смешение «частной» и политической морали: из факта проведения новой политики в СССР вовсе не вытекало, что партнеры не будут ее использовать для упрочения прежде всего своих позиций. В 1989–1991 гг. Запад убедительно продемонстрировал, что является приверженцем основанного на реализме «старого мышления». В результате все это привело не только к распаду Советского Союза, но и к подрыву Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, а вместе с ней и всей международной системы мировой стратегической стабильности.

В этой связи не кажется случайным метафорическое восприятие «перестройки», озвученное в СССР и в США с разницей в 18 лет двумя известными в своих странах общественными деятелями. В 1988 г. широкий резонанс вызвало выступление писателя Ю.В. Бондарева, сравнившего «перестройку» с самолетом, который подняли в воздух, не зная, «есть ли в пункте назначения посадочная площадка» [1, с. 224]. К схожей образности в 2004 г. прибег бывший заместитель госсекретаря США С. Тэлботт. Оценивая вклад преемника Р. Рейгана в окончание «холодной войны», он писал: «Джордж Г.У. Буш послужил чем-то вроде искусного авиадиспетчера в 1991 г., когда все более атакуемый со всех сторон Горбачев осуществил сравнительно мягкую посадку Советского Союза на пепелище истории» [41, с. 142].

Доктрина «нового мышления», по мнению ее приверженцев в СССР, давала шанс для трансформации международных отношений на основе идеалов мира, свободы и справедливости. Однако после недолгого «затишья» вновь возобладали подходы, основанные на прагматичном расчете, национальных интересах и силе. После распада Советского Союза страны Запада воспользовались сложившейся ситуацией для одностороннего укрепления своих позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет: В 2 т. Т. 1. М., 1988.

2. *Ахтамзян А.А.* Объединение Германии. Обстоятельства и последствия: очерки. М., 2008.
3. *Барсенков А.С.* Введение в современную российскую историю. М., 2002.
4. *Беишлосс М., Тэлбот С.* На самом высоком уровне. М., 1994.
5. *Брутенц К.Н.* Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005.
6. *Буш Дж., Скоукрофт Б.* Мир стал другим. М., 2004.
7. В Политбюро ЦК КПСС... По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова (1985–1991). М., 2006.
8. Вестник МИД СССР. 1990. № 1.
9. Визит Михаила Горбачева в Финляндию. 25–27 октября 1989 г. Документы и материалы. М., 1989.
10. *Воронков Л.С.* Хельсинкский процесс: что дальше? М., 2012.
11. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. М., 2006.
12. *Гаман-Голутвина О.* Политика и мораль: уроки перестройки // Перестройка: двадцать лет спустя. М., 2005.
13. *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 1, 2. М., 1995.
14. *Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи: В 7 т. Т. 7. М., 1990.
15. *Горбачев М.С.* Как это было. М., 1999.
16. *Горбачев М.С.* Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006.
17. *Гринеvский О.* Крутой перелом в объединении Германии // Россия XXI. Ноябрь–декабрь 2008. № 6.
18. *Гринеvский О.А.* Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М., 2004.
19. Громыко А.А. Метаморфозы нашего времени. Избранное. М., 2012.
20. *Дерябин Ю.С.* Годы на общеевропейском направлении (из истории СБСЕ/ОБСЕ: воспоминания участника) // Современная Европа. 2007. № 1 (29).
21. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Москва, 31 июля 1991 г. // Действующее международное право: В 2 т. Т. 2. М., 1997.
22. Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Федеративной Республикой Германией и Союзом Советских Социалистических Республик. Бонн, 9 ноября 1990 г. // Вестник МИД СССР. 1990. № 23.
23. Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Париж, 19 ноября 1990 г. // От Хельсинки до Будапешта: история СБСЕ/ОБСЕ в документах. 1973–1994: В 3 т. Т. 2. М., 1997.
24. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. Москва, 12 сентября 1990 г. // Вестник МИД СССР. 1990. № 19.
25. *Дубинин Ю.В.* Время перемен. Записки посла в США. М., 2003.
26. Известия.
27. *Квицинский Ю.А.* Время и случай: записки профессионала. М., 1999.
28. *Максимычев И.Ф.* Падение Берлинской стены. Из записок советника-посланника посольства СССР в Берлине. М., 2011.

29. *Медведев Р.А.* Советский Союз. Последние годы жизни. М., 2009.
30. Михаил Горбачев и германский вопрос: Сборник документов. 1986–1991. М., 2006.
31. *Мэтлок Дж.* Смерть империи: взгляд американского посла на распад Советского Союза. М., 2003.
32. *Обичкина Е.О.* Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози. М., 2012.
33. Отвечая на вызовы времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. М., 2010.
34. *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011.
35. Очерки истории министерства иностранных дел России: В 3 т. Т. 2. М., 2002.
36. Парижская хартия для новой Европы. Париж, 21 ноября 1990 г. // От Хельсинки до Будапешта: история СБСЕ/ОБСЕ в документах. 1973–1994: В 3 т. Т. 2. М., 1997.
37. *Плато А.* Объединение Германии – борьба за Европу. М., 2007.
38. Правда.
39. Разоружение и безопасность 1986: ежегодник: В 2 т. Т. 1. М., 1987.
40. Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М., 2011.
41. *Сикеринский Д.С.* Американское общество и Советский Союз (март 1985 – июль 1991). М., 2012.
42. Системная история международных отношений. События и документы. 1918–2003: В 4 т. / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 3: События 1945–2003. М., 2003.
43. *Стародубов В.П.* От разоружения к капитуляции. М., 2007.
44. *Уткин А.И.* Большая восьмерка: цена вхождения. М., 2006.
45. *Фалин В.М.* Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999.
46. *Фалин В.М.* Конфликты в Кремле. М., 2000.
47. *Филлитов А.М.* Советская политика и объединение Германии // Отечественная история. 2004. № 6.
48. *Христенко Д.* Война в Персидском заливе (1990–1991 гг.): трансформация внешней политики США в глобальной перспективе. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010.
49. *Черняев А.С.* 1991. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997.
50. *Черняев А.С.* Был ли у России шанс? – Он последний. М., 2003.
51. *Черняев А.С.* Горбачев – Буш: встреча на Мальте в 1989 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 3 (май – июнь).
52. *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993.
53. *Saxonberg St.* The Fall. A Comparative Study of the End of the Communism in Czechoslovakia, East Germany, Hungary and Poland. Uppsala University, Sweden. Amsterdam, 2001.
54. *Telschik H.* 329 Tage. Innenansichten der Einigung. Brl., 1991.